

ПУТЬ ВОДЫ

Путь аргоси – это путь Воды.
Вода никогда не стремится
преградить кому-то путь и не
позволяет преградить путь
себе. Она течет свободно,
ускользая от тех, кто хотел
бы ее пленить, и не берет
ничего чужого. Забыть об
этом – значит свернуть
с пути, ибо, несмотря на
разные слухи, аргоси никогда не
крадут.

АМУЛЕТ

- Э то не кража, — настаивал я несколько громче, чем надо бы, потому что моим зрителем был белкокот ростом в два фута. Он деловито вскрывал кодовый замок, отделявший нас от содержимого стеклянной витрины в закладной лавке.

— Ты не против? Это не так легко, как кажется, — гневно проверещал в ответ Рейчис, прижав одно мохнатое ухо к замку и вращая ловкими лапами три маленьких латунных диска. Его филейная часть аж задрожала от возмущения.

Если вы никогда не видели белкокота, представьте себе кошку со злобной физиономией, большим пушистым хвостом и тонкими мохнатыми перепонками между передними и задними лапами. С их помощью он планирует в воздухе, умудряясь выглядеть одновременно нелепо и пугаю-

ще. Ах да, еще добавьте ему нрав вора, шантажиста и, если верить рассказам Рейчиса, еще и убийцы-редицивиста.

— Почти готово, — заявил он.

Он повторял это уже около часа. Тонкие лучи света начинали просачиваться в щели между деревянными планками на ставнях, закрывавших окна лавки, и под нижней кромкой двери. Вскоре на главной улице появятся люди, они начнут открывать свои магазинчики или пить под дверями салуна утреннюю кружку, без которой им никуда. В приграничных землях всегда так делают: доводят себя до пьяного ступора еще до завтрака. Это только одна из причин, почему люди здесь склонны решать любой спор насильем. Поэтому нервы были уже на пределе.

— Можно было просто разбить стекло и оставить ему побольше денег на покрытие морального ущерба, — сказал я.

— Разбить стекло? — прорычал Рейчис, давая понять, что он уже размышлял над этой идеей. — Любитель, — он снова обратил внимание на замок. — Осторожно... осторожно...

Щелчок — и латунный замок оказался в гордо поднятых лапах белкоката. — Вот! — заявил он. — Вот это правильная кража!

— Это не кража, — повторил я, наверное, уже в двенадцатый раз с тех пор, как мы проникли к закладчику. — Мы заплатили ему за амулет, или ты забыл? Это он нас ободрал.

Рейчис пренебрежительно фыркнул.

— И что ты сделал, Келлен? Что ты сделал? Стоял как дурачок, пока он прикарманивал наши потом и кровью заработанные денежки, вот что!

Насколько мне было известно, Рейчис за всю свою жизнь не заработал ни гроша.

— Надо было зубами выдрать ему горло, как я тебе говорил, — продолжал он.

Решение любого острого вопроса — по крайней мере, у белкокотов — заключается в том, чтобы подойти к источнику несчастий и изо всех сил укусить в шею, предварительно вырвав как можно более солидный кусок кровоточащей плоти. Я оставил за Рейчисом последнее слово и потянулся, чтобы открыть стеклянные дверцы и достать маленький серебряный колокольчик, прикрепленный к тонкому металлическому диску. Иероглифы, вырезанные по его краю, светились в полумраке. Это амулет-глушилка. С ним я смогу колдовать, не рискуя, что меня вычислят наемники. Впервые с тех пор, как мы бежали из земель джен-теп, я почувствовал, что могу вздохнуть с облегчением. Почти.

— Эй, Келлен! — Рейчис вспрыгнул на прилавок, чтобы получше рассмотреть серебряный диск у меня в руке. — Эти символы на амулете — это магия, так ведь?

— Вроде как. Это способ привязать заклинание к амулету, — я повернулся к белкокоту. — С каких это пор тебя интересует магия?

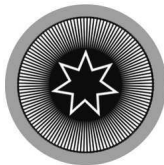
Он сунул мне под нос замок:

— С тех пор, как эта штука начала светиться.

Три замысловатых иероглифа сияли ярко-красным светом вдоль латунного цилиндра. В следующее мгновение дверь распахнулась и солнечный свет залил закладную лавку. Какой-то силуэт ворвался внутрь и повалил меня на пол, внезапно нарушив наш план по ограблению, который, если подумать, не помешало бы заранее получше продумать.

Проведя четыре месяца в приграничных землях, я пришел к одному-единственному выводу: изгой из меня получился скверный. Я ни черта не умею охотиться, теряюсь, куда бы ни пошел, и у каждого, кто встречался мне на пути, находилась веская причина попытаться меня ограбить или убить.

А иногда убить и ограбить сразу.

ПУТЬ КУЛАКА

Получить по лицу куда больнее, чем кажется. Когда чьи-то костяшки соприкасаются с вашей челюстью, кажется, что четыре крохотных стенобитных тарана пытаются ее расплющить. Ваши зубы, маленькие предатели, прикусывают вам язык, и рот наполняется ржавым вкусом крови. А треск, который вы слышите? Вы всегда думали, что кости ломаются именно с таким звуком, и, наверное, именно поэтому голова резко поворачивается, чтобы угнаться за подбородком, пока он не удрал с места преступления.

Знаете, что хуже всего? Как только ноги вновь обретают равновесие, а глаза открываются, вы вспоминаете, что недоброжелатель, который избивает вас до потери сознания, — тощий парнишка в конопушках, которому наверняка не больше тринадцати.

— Нечего было тырить мой амулет, — пробубнил Конопатый. Он двинулся на меня, отчего я инстинктивно отшатнулся назад, поскольку мое тело, видимо, решило, что лучше позорно рухнуть мешком на пол, чем рисковать и снова нарваться на его кулак. Откуда-то послышался смех — толпа горожан, вывалившихся из своих лавчонок и салунов, собралась поглазеть на драку и билась об заклад, кто победит. На меня не ставил никто; может, я и был родом из племени лучших магов на континенте, но, как оказывается, в рукопашной мы никуда не годимся.

— Я заплатил тебе за этот амулет, — настаивал я. — А кроме того, я положил его обратно в витрину! Так что не-зачем...

Конопатый указал большим пальцем на качающуюся вывеску закладной лавки, туда, где угнездился Рейчис, радостно изучая серебряный колокольчик, прицепленный к амулету. Каждый раз, когда Конопатый бил меня, Рейчис звонил в колокольчик. Белкокоты — такие шутники, подобные выходки для них смешнее некуда.

— Думаешь, я всю ночь вскрывал замок, чтобы ты просто вернул амулет?

— Чертов вор! — крикнул я Рейчису.

Конопатый залился еще более густой краской — на-верно, принял это на свой счет. Я все время забываю, что

я один понимаю Рейчиса, а все остальные слышат только ворчание и пыхтение.

Конопатый с воплем бросился на меня, и в следующий миг я уже лежал навзничь. Мой мучитель едва не вышиб из меня дух и прижал к полу.

— Встал бы ты лучше на ноги, малыш, — сказала Фериус Перфекс со своим тягучим приграничным акцентом. Она опиралась на коновязь, у которой стояли наши лошади. Черная шляпа надвинута низко на лоб, словно Фериус готовилась вздремнуть. — Трудно подняться, когда лежишь на спине.

— А ты могла бы помочь, знаешь ли, — ответил я. Ну и вообще сказал бы, если бы у меня в легких еще оставался воздух.

Фериус стала моей наставницей и хотела, чтобы я жил по заветам аргоси — загадочного племени, — которые много говорят, хорошо играют в карты и путешествуют по всему свету, занимаясь... ну, пока никто еще не рассказал мне, чем именно они занимаются. Она помогает мне выжить, пока я в бегах, и не попасться магам-ищейкам, которые идут по моему следу. Ее наставничество в основном сводилось к потрясающим фразочкам вроде: «Трудно подняться, когда лежишь на спине». Вот эта вот взбесила меня чуть ли не больше, чем ее привычка все время называть меня «малыш».